

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

В данной статье автор уточняет определение лингвистической категории — “языковая норма”. Языковая норма может быть лингвистической, исторической и социальной. Основными признаками, которые характеризуют языковую норму, являются ее стойкость и динамизм. Статья доказывает, что по речи человека можно судить о том, откуда он и к какому социальному классу принадлежит, а степень владения нормой индивида может свидетельствовать о его происхождении и социальном положении.

Ключевые слова: норма, диалект, региональный стандарт, британская национальная орфоэпическая норма RP, языковой коллектив, социальный класс.

У даній статті автор уточнює визначення лінгвістичної категорії — “мовна норма”. Мовна норма є лінгвістичною, історичною та соціальною категорією. Основними ознаками, які характеризують мовну норму, є її стійкість та динамізм. Стаття доводить, що по мовленню людини можна судити про те, звідки вона і до якого соціального класу вона належить, а ступінь володіння нормою індивіда може свідчити про його походження та соціальний стан.

Ключові слова: норма, діалект, регіональний стандарт, британська національна орфоепічна норма RP, мовний колектив, соціальний клас.

In the given article the author specifies the definition to such a concept as “communication standarts”. The communication standarts are the linguistic, historical and social category and the main features which characterize the language standard are its dynamism and stability. The article proves that according to the humans’ speech one can form an opinion where from this person is and to which social class he (she) belongs. Possibility to speak the standard language can show the place of birth and social status of a person.

Key words: standard, dialect, regional standard, British national pronouncing standard RP, language group, social class.

Современная лингвистика характеризуется значительным интересом к изучению социального функционирования языка, в том числе к проблеме нормы и ее вариативности и факторам, обусловившим эту вариативность [1; 2]. Интерес к проблеме языковой нормы, интонационной нормы, в частности, лингвисты проявили сравнительно недавно. Проблемы языковой нормы, регулирования литературного языка и культуры речи считались темами, недопустимыми в языкознании, так как, по мнению лингвистов, при определении нормативности явлений необходимо руководствоваться собственными привычками и вкусами, ибо не существует объективных критериев “правильности” и “неправильности” речи [3]. Однако, несмотря на отрицательное отношение некоторых лингвистов к проблеме языковой нормы, вопрос о языковой норме так же стар, как и сам язык, так как без языка нормы не существует. Актуальность данной проблемы определяется возрастающим интересом к изучению, с одной стороны, реального функционирования современного английского языка как языка международного общения, как средства достижения взаимопонимания между людьми различных культур, осуществляющими совместную деятельность, с другой стороны, языковой личности в различных проявлениях языковой деятельности.

Целью данного исследования является выявление основных тенденций развития нормы, обусловленных социально-историческими условиями развития общества. “Норма — неотъемлемый атрибут языка на всех этапах его развития” [4: 337]. “Языковая норма — это совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Норма как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком литературного языка национального периода” [4: 337]. В понятие стабильности нормы входят следующие признаки: историческая устойчивость, традиционность, некоторое ограничение возможных колебаний и вариантов [5].

Лингвисты описывают норму как социально одобряемое правило, изменяющееся в процессе исторического развития общества. То есть норма, как и сам язык, явление постоянно развивающееся: историческое развитие языковой нормы является формой ее существова-

ния. Языковая норма изменяется, потому что функционирует в изменяющемся обществе и должна отвечать потребностям общественной жизни, подчиняться условиям этой жизни. Таким образом, “понятие языковой нормы диалектически основывается на признаках устойчивости языковой структуры и динамики языкового развития” [2]. Вышеизложенное позволяет отнести динамизм и устойчивость нормы к основным признакам, характеризующим языковую норму.

Выделяют три основных отличия литературной нормы от диалектов и разговорной речи: 1) более высокая осознанность, что объясняется фактом сознательной оценки нормы и принятия ее обществом; 2) более строгая обязательность, что закрепляется ее кодификацией; 3) большая функциональная и стилистическая дифференциация [6]. О динамизме развития нормы пишет У. Лабов в своих исследованиях. Языковое изменение начинается с того, что распространяется на всех членов одной социальной подгруппы (“изменение снизу”, то есть изменение, находящееся ниже уровня социальной осознанности; на этом этапе языковая переменная является показателем, который определяется как функция от принадлежности к группе); далее в той же подгруппе языковое явление претерпевает “социальное давление”, которое У. Лабов называет “гиперкоррекцией снизу” — здесь языковой переменной является функция от групповой принадлежности и возраста. На этом этапе решается “судьба” данного языкового явления: лишь изменение, которое возникло в группе, имеющей высший социальный статус, становится господствующим образцом для всех членов языкового коллектива, то есть принимается всеми остальными социальными группами (в противном случае измененная форма подвергается осуждению и может либо претерпеть изменение в сторону престижных образцов, либо исчезнуть вовсе). Когда языковое изменение достигает предела в своем распространении, языковая переменная становится элементом нормы, характеризующем языковой коллектив, все члены которого начинают одинаково реагировать на его употребление. На этом этапе переменная становится маркером и обнаруживает стилистическое варьирование [3; 7].

Итак, признание нормативности основывается на: 1) соответствии структуре языка; 2) факте массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации; 3) общественном одобрении и признании соответствующего явления нормативным [4:

338]. В Великобританиї за останні п'ять століть найбільш престижне положення завойовував тип произношення, який внаслідок Д. Джоунза традиційно називається Received Pronunciation (RP) — орфоепіческа норма англійського літературного произношення або британська національна орфоепіческа норма, сформувана на основі южноанглійського типу произношення. В передмові до першого видання свого словаря Д. Джоунз визначив RP як тип произношення, який найбільш часто можна почути в повсякденній мові в сім'ях южан, чоловіча половина яких отримала освіту в привілейованих “публік-скулз” — приватних середніх школах, випускники яких внаслідок займають ключові посади в політичній і економічній житті країни [7]. Однак більшість сучасних британських лінгвістів вважають визначення, дане Д. Джоунзом, не зовсім підходящим для сучасного британського суспільства [8; 6; 9]. Сьогодні коло людей, що говорять на RP, значно розширилося і більше не обмежується вибраною “верхівкою” суспільства. Це пояснюється тим, що за останні п'ятьдесят років все населення Великобританії було піддано впливу орфоепіческої норми через засоби масової інформації, виступи громадських діячів і т. д. В сучасній Великобританії значна більшість освітаних людей користуються одним з варіантів RP або регіональних варіантів стандартного произношення (регіональний стандарт).

На території Британських островів існують: британська орфоепіческа норма, а також північний, шотландський, ірландський регіональні стандарти.

Орфоепіческа норма вважається “нелокалізуємым”, регіонально “нейтральним” типом произношення. Однак лінгвісти стверджують, що історично сформувана на базі южно-англійського типу произношення орфоепіческа норма зберігає всі риси юго-східного типу произношення, на якому говорять освітаних жителі Лондона і півдня Англії [10]. В межах кожного произносительного стандарту існує і соціальна варіативність, пов'язана з факторами як стратифікаційного, так і ситуативного характеру. Обидва ці поняття — стандарт і варіант — невіддільні одне від одного, і їх необхідно розглядати в взаємозв'язку, так як розвиток норми здійснюється через варіанти. Іменно на прикладі варіант-

ных способов выражения можно проследить систематичность, последовательность влияния социального на языковое [6].

Характерной чертой фонетической вариативности является то, что количество допустимых нормой вариантов больше, чем на других уровнях, что обусловлено территориальными и социальными (возрастными, профессиональными, образовательными) характеристиками. Таким образом, функциональная дифференциация языковой нормы в синхронии объясняется: а) существованием региональных вариантов или субвариантов литературного языка; б) социальной стратификацией литературного языка [11].

Английские ученые считают, что лучше всего изменения нормы прослеживаются у дикторов Би-Би-Си, читающих радионовости [12; 13]. Орфоэпическая норма английского литературного произношения RP (Received Pronunciation) была изначально выбрана для чтения новостей потому, что это произношение наиболее понятно всем носителям английского языка и не вызывает критики со стороны носителей регионального произношения [1]. RP получил широкое признание британцев как ни один другой региональный тип произношения. Именно поэтому RP иногда называют “BBC English” — английский язык Би-Би-Си. Простейшие данные, свидетельствующие о наличии изменений нормы, могут быть получены из наблюдений за двумя последовательными поколениями людей с сопоставимой социальной принадлежностью, владеющих нормой, то есть представляющих разные стадии развития одного языкового коллектива. Например, в результате наблюдения за группой людей, принадлежащих к одной возрастной и социальной группе и говорящих на “авангардистском” RP, Дж. Уэллс пришел к выводу, что некоторые черты произношения из прошлых лет “возвращаются” и считаются сегодня особым “шиком”: например, произношение [a] вместо [ж], что в 60-е годы считалось провинциализмом [9]. Наблюдение за речью дикторов 30-х — 90-х годов выявило следующее: в 30-е—40-е годы радионовости читались “шикарным” (“posh”) голосом со строгим соблюдением орфоэпической нормы. В эти годы отклонения от орфоэпической нормы практически исключались. Даже рекламы строго соответствовали произносительному стандарту. В 30-е годы дикторы в вечерних костюмах вещали языком, не уступавшем “королевскому английскому” [13]. В 60-е — 70-е годы отмечается расслоение RP на

две ветви: консервативную (соотносимую с представителями элиты и старшего поколения) и общеанглийскую (General RP) — произношение средних классов, преподаваемое в общедоступных средних школах, то есть заметно расширяется использование менее регламентированных речевых форм за счет бесед, интервью и выступлений по радио носителей регионального произношения, диалектов просторечия, молодёжного жаргона. Образ диктора Би-Би-Си из “чопорной тётушки” со “строгой, назидательной манерой (“Aunty”)” говорить на “правильном” языке превращается в “друга семьи” (“Family friend”), то есть начинается процесс интимизации, демократизации и “персонификации” (варьирования языка в зависимости от текста); речь становится раскованней.

В 80-е — 90-е годы процесс демократизации языка передач Би-Би-Си продолжается. Возрастает удельный вес “дискжокейного стиля”, ориентированного на молодёжь, и ситуативного стиля (“topic-related style”). “Официальные требования к произношению дикторов, читающих новости Би-Би-Си, стали гораздо менее жесткими, чем были в 30-е годы” [2]. Именно в это время начинается противостояние мнений ревнителей “чистоты языка” (“purists”) и тех, кто выступает за либерализацию норм речи [12]. Сегодня стиль радионовостей стал еще более разговорным (“chatty”) и оживленным, в чтении возможны диалектные “вкрапления”. Д. Кристал пишет, что речь дикторов Би-Би-Си, оставаясь образцом речи образованных людей, демонстрирует сегодня значительную региональную вариативность и множество существующих модифицированных форм RP. Он считает, что орфоэпическая норма RP утратила свой былой социальный престиж, особенно в среде молодёжи, и многие сейчас предпочитают регионально маркированные типы произношения [10]. Более того, некоторые новости читаются на диалектах, причем предпочтение отдается южным региональным диалектам, таким как корнуольский, бристольский и гемпширский, которые, согласно социологическому опросу, звучат наиболее “приятно” и понятно, так как похожи на норму. Диалектные “вкрапления”, более высокий темп речи, “домашний” голос придают нормализованному произношению разговорный характер. Однако данные социологического опроса, проведенного английскими социолингвистами, свидетельствуют о том, что не всем нравится регионально маркиро-

ванная речь и большинство опрошенных англоговорящих утверждают, что не воспринимают серьезно и не верят новостям, прочитанным в разговорном стиле [14]. В целом, помимо изменения стиля чтения новостей, сама произносительная норма изменилась незначительно и малозаметно. Норма неоднородна по составу входящих в неё явлений. Ядро нормы составляют стилистически нейтральные и, следовательно, наиболее широкие употребляемые формы, периферию — явления архаические и новые, а также явления функционально и территориально маркированные, но использующиеся, тем не менее, в рамках литературной нормы [2].

Представляется необходимым определить термин “диалект”, противопоставляемый понятию “норма”. В современной лингвистике разночтений в определении понятия “диалект” не существует. Так, по мнению американских исследователей, диалект есть лишь обычный вариант языка, отличающийся от других подобных ему вариантов рядом черт фонетического, грамматического или лексического характера. Диалекты возникают при наличии географических и социальных барьеров в системе обращения: чем выше барьер, тем резче проявляются диалектные различия [1; 12]. Британский лингвист Д. Кристал также определяет диалект как вариант языка, отличающийся от других вариантов определенным набором слов и грамматических структур на региональном и социальном уровнях; устные диалекты связаны с различиями в произношении [10: 103]. А. Травкина определяет диалект как разновидность языка, которая употребляется более или менее ограниченной группой людей, связанных территориальной или социальной общностью [11: 2], то есть нелингвистическими категориями.

Таким образом, наряду с территориальными диалектами имеются ещё и социальные. Социальный диалект — это принятый в данном сообществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определения этнических, религиозных и экономических групп или групп индивидуумов с определенным типом образования. Вообще, чем большее предпочтение отдается какому-либо из субвариантов в данном сообществе, тем большее различие обнаруживается между ним и его менее удачливыми соперниками [6]. Нет ни одного сообщества, в котором бы не было социальных диалектов.

Различие между единообразием и разнообразием диалектов становится менее важным, чем различие между индивидуальным и общественным. Д. Гамперц считает, что современное языковое варьирование принимает две формы: диалектальное и наслаивающееся. Диалектальное варьирование происходит в группах, различающихся в социальном или территориальном отношении, и отражает индивидуальную историю говорящего, то есть указывают на происхождение его семьи, а также на всякое последующее изменение в групповых связях — например, на переезд из одной области в другую или на изменение в социальном положении. Итак, под диалектальным (межличностным) варьированием Д. Гамперц подразумевает как территориальные, так и социальные диалекты. Под наслаивающимся (внутриличностным) варьированием он понимает отражение действительности индивидуума в его регулярной повседневной практике, а именно социальные роли [7: 35]. Таким образом, по речи человека можно судить о том, откуда и к какому социальному классу он принадлежит. Многие лингвисты отмечают, что особенно важными в социальной дифференциации оказываются фонологические показатели, то есть показатели, основанные на элементах звуковой системы языка, которые коррелируются с абстрактной мерой социального положения. Т. И. Шевченко отмечает, что значительная доля данных о личности говорящего зависит от его произношения [12].

Итак, суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1) языковая норма является лингвистической, исторической и социальной категорией; 2) основными признаками, характеризующими языковую норму, являются ее устойчивость и динамизм; 3) степень владения нормой индивида может свидетельствовать о его происхождении и социальном положении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диалект, акцент, просодия / Сост. Т. И. Шевченко. — М., 1999. — 47 с.
2. Hughes A., Trudgill P. English accents and dialects / A. Hughes, P. Trudgill. — Arnold, 1996. — 142 p.
3. Labov W. Principles of linguistic change / W. Labo. — Blackwell, 1992. — 250 p.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: “Советская энциклопедия”, 1990. — 683 с.

5. Hudson R. R. *Sociolinguistics* / R. R. Hudson. — Cambridge University Press, 1996. — 279 p.
6. Trudgill P. *Introducing language and society* / P. Trudgill. — Penguin Books Ltd., 1992. — 79 p.
7. Jones D. *An Outline of English Phonetics* / D. Jones. — Cambridge University Press, 1997. — 378 p.
8. Gimson A. *An Introduction to the Pronunciation of English* / A. Gimson. — NY, 1989. — 364 p.
9. Wells J. C. *Accents of English* / J. C. Wells. — Cambridge University Press, 1982. — Vol. 2. — 465 p.
10. Crystal D. *The English Language* / D. Crystal. — London: Penguin Books, 1990. — 288 p.
11. Травкина А. Д. Английское региональное произношение / А. Д. Травкина. — КГУ, 1986. — 60 с.
12. Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения / Т. И. Шевченко. — М.: Высшая школа, — 1990. — 144 с.
13. Gumperz J. J. *Language in Social groups* / J. J. Gumperz. — Stanford University Press, 1971. — 350 p.
14. Labov W. *Sociolinguistic Patterns* / W. Labov. — University of Pennsylvania Press, 1991. — 344 p.